

18+

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Роман

Вадим Голубев

Главный редактор. Роман

<https://litres.ru/74268807>

ISBN 9785007062145

Аннотация

Эта книга о перипетиях журналистской жизни. Жизни тех, кто посвятил себя «жёлтой прессе», у которой лишь одна «идеологическая установка», чтобы было интересно читателям. Вроде бы «развлекаловка», но за ней стоят покушения, драки, подставы, подлость и благородство. Труд не только интересный, но тяжёлый, а зачастую опасный. Нередко на журналистов «бульварных газет» обращают внимание представители иностранных спецслужб, пытаясь сделать из них агентов влияния. Обо всём этом рассказывается в романе.

Содержание

ВАДИМ ГОЛУБЕВ	5
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР	6
РОМАН	7
НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ	7
ОПЛОТ ИМПЕРИАЛИЗМА	19
ГДЕ СВОБОДА?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Главный редактор Роман

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2026

ISBN 978-5-0070-6214-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАДИМ ГОЛУБЕВ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РОМАН

НА КРУТЫХ ПОВОРОТАХ

Запиликал мелодию Вивальди будильник, купленный в своё время в Швейцарии. Вадим Вадимович слегка отодвинул закончавшуюся за ночь, пропахшую потом и женским секретом журналистку Веру. Душ, затем кухня. Овсянка и яичница с беконом — завтрак английских королей с королевами. Тем временем девушка тоже приняла душ, быстро подкрасилась. Уселась за стол из тайландского тика, тоже привезённого в своё время из этой «Мекки» российских туристов. Скривила недовольную гримаску при виде снеди.

— Ешь, чё дают! — изрёк Вадим Вадимович, используя не правильное русское слово, а как говорят его в провинциальных дырах. — Британские монархи едят каждое утро и рожки не корчат. Очень полезно для пищеварения! Опохмелки не предлагаю. Мне на работе читать накарябанное твоими коллегами. Тебе, ближе к вечеру на интервью с «Королём русского шансона». Сама понимаешь — «неправильных» запахов из рта быть не должно! Через полчаса подъедет шофёр Валерик — подкинем до дома.

Сам Вадим Вадимович чётко приезжал на службу к одиннадцати, ноль ноль — в час, когда начинают работу все рос-

сийские газеты и журналы. Зато корреспондентов давно перевёл на «удалёнку». Это не нравилось хозяину издательского дома «Сотоварищ», куда входила возглавляемая Вадимом Вадимовичем «Лиловая газета».

— Твои журналюги ходят на работу, когда хотят, — укорял Вадима Вадимовича хозяин — Владимир Юрьевич Гордиенко — в прошлом инструктор ЦК комсомола, сумевший приватизировать некогда государственное издание.

— Не когда хотят, а всего лишь раз в неделю. Когда все материалы сдаются в типографию, — отвечал Вадим Вадимович. — Нечего папарацци джинсы с юбками в редакции протирать. В гуще народной жизни и тусовки шоубизнеса они должны быть. Собирать материал для публикаций.

Не нравилось это Владимиру Юрьевичу, но деваться было некуда. «Лиловая газета», созданная как развлекательное издание к главному еженедельнику «Сотоварищ», стала более популярной, с тиражами большими, чем у всех газет издательского дома, коих насоздавали немало. Газета получилась боевой, хулиганистой — оттого пользовавшейся у читателей спросом. В отличие от «Сотоварища», Вадим Вадимович не лез в дебри политики. Его издание интересовала жизнь звёзд шоубизнеса, мнение о них простого люда, уже через это — выход на закулисы политики с её страстями.

По началу печатный орган хотели назвать «Сиреновой газетой». От слово «сиренево» — «безразлично», «всё равно», «по барабану». Потом решили усилить, наименовав «Фиоле-

товой». Однако хозяин издательского дома, просмотрев материалы для первого номера издания, велел присвоить высшую степень — «лиловую». Так родилась три десятка лет назад «Лиловая газета».

Вадим Вадимович не всегда был главным редактором. Начал с корреспондента криминальной хроники. Работалось весело и лихо. Бывало, свистели пули над головой, но везло. Пару его коллег из других изданий свинцовые «граммы» достали на глазах у Вадима Вадимовича. Зато раз в неделю выходил его материал, написанный увлекательно и живо, более похожий на боевик, нежели на репортаж или журналистское расследование. Читатели были в восторге. Следующее утро снова начиналось со звонков правоохранителям, визитов в отделы внутренних дел, районные прокуратуры, к следователям, а когда надо — и к адвокатам. Вырисовывался сюжет, для очередной публикации, случалось, двух. Тогда приходилось покрутиться. Начиная от переговоров с тогда ещё милицейским начальством, выездами на задержания, бесед с арестантами, присутствием в зале суда, определявшего меру пресечения. Работал над текстами до глубокой ночи, а то и до раннего утра. Сделал за неделю пару текстов — хорошо. Один мог подождать до следующего номера или сдавался в «Сотоварищ».

— Читал твой «роман»? — говаривал тогда хозяин. — На одном дыхании прочёл. Неужели такое возможно у нас, в Москве?

В Москве девяностых очень многое было возможно. Трещали ночами автоматные очереди и пистолетные выстрелы, рвались гранаты. Днём тоже «постреливали». Однако пристрастились взрывать конкурентов, главарей противоборствующих банд, или просто неудобных лиц среди бела дня. «В назидание» другим. Сколько при этом страдало случайных прохожих «заказчиков» убийств не интересовало. «Знать, судьба у них такая», — бормотали воротилы, покуривая швейцарские сигары, прихлёбывая модный тогда напиток «виски». Тоже вторили исполнители убийств, коим посчастливилось оказаться задержанными милицией. Посчастливилось потому, что если раньше с ними честно рассчитывались, то позже «заказчики» решили, что нечего их баловать. Стали нанимать «чистильщиков» которые за гораздо меньшую плату «зачищали» самих наёмных киллеров. Частенько подсовывали им портфели со взрывчаткой вместо обещанных денег. Открывает убийца портфель. Мерзкий голосок гласит из диктофона: «Бабах»! Следом взрыв разносит наймита. После правоохранители устанавливают личность убиенного. Облегчённо вздыхают, что ещё одного «исполнителя» изъял Господь из употребления. А им не надо возиться с поисками, ловить, рисковать собой и случайной публикой, оказавшейся не в том месте в не то время. На тот случай, если задерживаемый надумает оказать вооружённое сопротивление или взять заложников. Нередко «зачищали» и самих «чистильщиков». За чисто символические деньги

нанимали шпану, всаживающую ножи под левую лопатку, а также в печень и почки. Ну, очень хотелось молодым отморозкам попасть в организованные преступные группировки. Брали, использовали как «пушечное мясо». Подставляли под пули в очередной «разборке», чтобы не рисковать «заслуженными пацанами», у которых по «ходке», а то и по две в места лишения свободы. Разумеется, ходили под Богом и сами «заказчики» убийств. Сколько их взорвали в собственных авто или уложили снайперы! Нажитые «тяжкими трудами» фирмы, банки, заводы, торговые сети быстро делились между «заинтересованными лицами». Лишённые всего семьи погибших перекочёвывали из роскошных апартаментов на Тверской или имений на Рублёвке в прогнившие пятиэтажки в отстойных районах на окраинах.

Ну а до этого был крах социалистической системы. Коммунистическая партия, правившая страной более семи десятков лет, не сумела преодолеть кризисные явления в экономике. Попыталась лавировать, придумав «перестройку», «ускорение», «гласность». Надеялась псевдodemократическими мерами сохранить своё господство. Сработала только «гласность». Вышли на экраны фильмы, десятилетиями «лежавшие на полке». Были опубликованы книги, запрещённые цензурой. Издавались воспоминания пострадавших от сталинского террора. Рассекретили ряд документов той страшной эпохи. Не только молодёжь, но и люди старшего поколения схватились за головы: «В какой стране живём, каким

богам молимся»?! Изобретённая выборность руководителей трудовыми коллективами дала совсем не тот результат, на который рассчитывали. Места замшелых директоров и начальников заняла сорокалетняя «молодёжь». Хватало среди неё популистов, дававших несбыточные обещания. Работяги верили, когда им сулили через два года зарплату от двух тысяч рублей в месяц. Сумму, которую они даже не могли представить, как выглядит. Обещали через пару лет свои санатории в Крыму, собственные базы отдыха в Карелии и других живописных местах страны. Ну а дотошные экономисты подсчитывали и ахали. Чтобы получить всё это, завод должен без остановки, круглосуточно работать тридцать лет. Победители выборов, даже не задумывались, как им трудиться. Главное — занять начальственное кресло, а там видно будет.

В целях дальнейшей «демократизации» провели безальтернативные выборы президента Советского Союза и альтернативные выборы президента Российской Федерации. Президентом России стал Борис Николаевич Ельцин, бывший весьма популярным среди трудового люда и пенсионеров. Вадим Вадимович, тогда ещё Вадик, настороженно отнёсся к кандидатуре бывшего первого руководителя Москвы. Народу же нравилось, что привезённый в столицу с Урала новый партийный начальник «отказался» от персональной машины и принялся ездить на работу общественным транспортом. «Не это важно, — считал Вадик. — Важно, чтобы транспорт ходил регулярно, не было очередей на остановках,

а внутри отсутствовала давка и всегда можно найти свободное сиденье. А этого как не было, так и нет. Да и на проезд в трамвае и троллейбусе сразу же повысилась плата». Позже выяснилось, что ездит в метро Борис Николаевич только, когда надо покрасоваться перед москвичами, а в-первую очередь — перед прессой. В основном рассекает по столице на чёрном «ЗИЛе». Ахнули люди, когда Ельцин заявил, что не нуждается в номенклатурных пайках, будет покупать еду в магазинах. Пару раз сходил. Вновь покрасовался перед кинокамерами. Личный водитель продолжил подвозить деликатесы, давно забытые народом. Между тем в гастрономах снеди становилось всё меньше. Привезённые с Урала девять сотен помощников никак не могли справиться с мощной столичной экономикой и её запросами, сложным устройством Москвы, наладить быт поверившим им москвичам. Знавших всё это, имевших опыт «стариков» по-хамски разогнали. Как всегда, надлежало найти виноватого. Нашли «стрелочника». Точнее, «стрелочницу» — жену Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева — Раису Максимовну. Ельцин обвинил её в том, что она вмешивается в дела столичных партийных властей, мешает, а то и просто не даёт работать. Попросил Михаила Сергеевича «унять» супружницу. Результат оказался противоположным. Бориса Николаевича самого освободили от должности. «Задвинули» в министры строительства. На этом посту он ничем не отличился. Лишь ругал Горбачева с его окружением. С облегчением

вздохнули высшие руководители партии, когда американцы попросили отправить к ним Ельцина для чтения лекций о внутренней и внешней политики Советского Союза.

Опять же, в целях дальнейшей «демократизации» провели Съезды народных депутатов. Поначалу народ с интересом следил за их работой. Были острые, актуальные выступления. Однако съезды быстро превратились в пустую говорильню. Вновь пошли популистские речи, от коих люди успели устать. При этом жизнь продолжала ухудшаться. Кузбасские шахтёры, которым не выплатили зарплату, прибыли за справедливостью в Москву. Сидели, стучали касками по асфальту прямо под окнами у делегатов съезда. Сердобольные жители столицы подкармливали их, нередко делясь последним. Зато «народные избранники» остались равнодушными к законным требованиям работяг. Кое-кто попытался завоевать сердца шахтёров тем же популизмом, использовать их протесты в своих целях, но был с позором изгнан.

А там вернулся из Штатов Борис Николаевич. Включился в «президентскую гонку». Как поддержал его избиратель! «Борис! Ты — прав!», «Борис! Борись!» — скандировали и трясли плакатами этого содержания многочисленные пикетчики в разных концах Москвы и других городов. Что творилось, когда Ельцин свалился в водоём в дачном посёлке! Сразу же объявили: «Покушение»! Сам Борис Николаевич толком не сумел сказать, что да как. Сколько не «пытали» его журналисты, ничего внятного не ответил. Вадик дал тогда

главному редактору прослушать диктофонную запись «интервью с пострадавшим». Сказал, что не стал бы публиковать этот материал.

— Правильно мыслишь, — ответил тот. — Ответы никакие. Не будем позориться.

Дальше было избрание Ельцина президентом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Думали люди, что ставят на этот пост созидателя. Однако оказали высокое доверие разрушителю, страдавшему алкоголизмом. Сам Вадик пошёл на выборы, чтобы не подводить членов избирательной комиссии, которые должны были обеспечить стопроцентную явку избирателей на голосование. Размашисто написал во весь бюллетень с тремя кандидатами: «Не доверяю никому»!

Затем Горбачева с семьёй заперли в крымской резиденции — Фаросе. Ему «товарищи по партии» предложили уйти в отставку по состоянию здоровья. Сами тем временем создали в Москве Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), ввели в Белокаменную войска. Тогда пролилась первая кровь — цена за демократию. Трёх парней, кинувшихся под гусеницы танков, с почестями погребли на Ваганьковском кладбище. Остальных, умерших в больницах от «шалых пуль», рассовали по столичным погостам. Вадик сам был свидетелем, когда взвинченные солдатики и офицеры вопили с танков и бронетранспортёров:

— Отвали, «быдло московское»!

Давали очереди, вроде бы, поверх голов. Только вдруг взвизывался истошный крик:

— Убили!!!

Затем генералы решили не поддерживать «хунту». Вывели войска из Москвы. Обитатели столицы ликовали. Крича. «Ура», заваливали боевую технику цветами.

Михаила Сергеевича вернули в Москву, где Ельцин в его присутствии заявил о приостановке деятельности Коммунистической Партии Советского Союза на территории Российской Федерации. К арестованным членам ГКЧП добавили ещё кое-кого из партийных заправил. Ряд руководителей, крупных и помельче, покончил с собой. Объявили о «Нюрнбергском процессе» над КПСС. Процесса не вышло. Получился фарс. Быстро заглохший, поскольку практически все, пришедшие к власти, сами были в своё время разных рангов членами партии. Разумеется, несли в той или иной степени ответственность за навороченное ею.

В Россию, между тем, устремились всевозможные западные эмиссары. Консультировали, как наладить экономику. Точнее, как скорее развалить оставшееся от прежнего режима. В первую очередь, как уничтожить Советский Союз, раздробив его. Не обошлось и без «учителей» в области культуры. Многонациональную советскую культуру предполагалось заменить культурой западной. Точнее, третьесортными фильмами, оглупляющими комиксами, новым видом искусства — рэпом. Стремилась «благодетели» и реформировать

журналистику.

Вадика внезапно вызвал главный редактор.

— Как у тебя с языком? — спросил он.

— Да, вроде, на месте. Болтается...

— Как у тебя с английским языком?

— С детства — частные уроки. Затем английская спецшкола. После изучение в университете. Ряд интервью, взятых на английском. Вы их сами одобрили...

— Хорошо! На тебя прислало запрос американское посольство. Предлагается отправить тебя на стажировку в Штаты, а затем в Канаду. Всё за счёт этих стран. Редакции они тоже пообещали деньги, в долларах, за то что на длительный срок заберут у нас ценного кадра...

— Но, почему меня?

— Там не только ты будешь. Десяток самых отчаянных журналистов набрали из разных газет. Не знаю, откуда у них сведения, что ты был на крючке у КГБ. Дело прошлое, приходили ко мне оттуда. Допытывались, что ты за человек? Почему в своих публикациях льёшь грязь на «нашу родную коммунистическую партию»? Самого меня тоже стращали статьёй за антисоветскую агитацию и пропаганду. Надеюсь, что скоро эту статью с позором вычеркнут из Уголовного кодекса. Здесь телефон посольства. Свяжись с ними! Получи отношение на оформление загранпаспорта.

— Выпустит ли КГБ, если я у них «неблагонадёжный»?

— Они там сейчас сами, как зайцы, мечутся. Заинте-

ресованы, чтобы «оголтелые», типа тебя, покинули страну. МВД — тоже. Быстренько оформляйся! Даже завидую! Я — журналист-международник. Специализировался на Штатах и Канаде. Однако дальше, чем в «братских» Болгарии, Польше, Венгрии не бывал.

ОПЛОТ ИМПЕРИАЛИЗМА

Быстро прошёл собеседование в посольстве. Подписал обязательство не просить в США политического и прочих видов убежища. Пробежался по врачам клиники, проводившей медобследования для лиц, выезжавших в Штаты на длительное время. Как ни странно, быстро получил заграничный паспорт. В составе десятка журналистов, Вадику выдали билет на самолёт до Вашингтона. Парни были боевыми, ругавшими почём зря коммунистический режим. Один даже успел посидеть за это пару лет. Совсем недавно вышел из лагеря. Все удивились, что органы выпустили его в оплот «мирового империализма».

— Не только выпустили, — хохотнул тот. — Даже пожелали, чтобы я никогда не возвращался назад.

Вот, и вылет. Мелькнули российские, затем финские леса, закованный в белый лёд океан, тёмно-синяя вода с голубыми айсбергами вокруг Гренландии, «одноэтажная Америка» на пути к её столице. Лёгкий толчок, сообщавший, что самолёт приземлился, аплодисменты американцев, резюме одного из журналистов-стажёров:

— Сбылась мечта идиота!

Поразились отсутствием очередей на паспортном контроле. Везде красовались надписи: «Проход для граждан США», «Проход для пассажиров из стран Западной Евро-

пы», «Проход для пассажиров из стран Восточной Европы», далее для граждан азиатских, латиноамериканских, африканских государств. Ещё больше удивились, когда таможенники, вместо того, чтобы требовать открыть чемоданы и копаться в барахле, указали на выход. Там ждал немолодой господин с табличкой на русском языке.

— Буду сопровождать вас во время стажировки. Помогать, подсказывать, решать проблемы, если возникнут, — сообщил на хорошем русском языке. — Хотя вы в Штатах, где проблем не должно возникнуть. Зовут меня Оскар Ливен, можно просто: Оскар.

— Уж, не потомок ли светлейшего князя Ливена, расстрелянного большевиками в тысяча девятьсот сороковом году? — присвистнул кто-то.

— Внук. Только моего деда большевики не могли расстрелять даже при самом горячем желании. Умер дедушка в тридцать седьмом от старости, да ранений, полученных во время Первой мировой и Гражданской войн. Его дети, словно сердцем чуяли, что через несколько лет начнётся новая, самая страшная война в истории человечества. Продали все свои активы, включая имения, и перебрались в Штаты. Благо тогда национальная валюта — лат очень хорошо котиrowался по отношению к доллару. Так, и пустили корни в Америке. Все в сборе, джентльмены? Транспорт ждёт!

Комфортабельный микроавтобус покатиw вдоль берега реки Потомак.

— Прошу обратить внимание! Справа от нас Арлингтон, — объявил по микрофону Ливен. — Поместье, где очень любил останавливаться создатель Соединённых Штатов и их первый президент Джордж Вашингтон. Сейчас там известное всему миру Арлингтонское военное кладбище, где упокоились президент Джон Кеннеди и его брат Роберт. Побываем там завтра. Слева наше военное ведомство — Пентагон, коим так пугало советских людей коммунистическое руководство. Побываем там в понедельник. С этого визита начнётся ваша стажировка. Сейчас заедем в банк, откроем счета, на которые вам будет поступать стипендия. Сегодня суббота — укороченный день работы в банках. Надо поторопиться!

В банке быстро заполнили документы. Помогли русскоязычная сотрудница и Оскар.

— Неужели ради нас наняли? — уже в автобусе удивились журналисты.

— Не совсем так, — усмехнулся куратор. — В окрестностях проживает масса так называемых «бывших советских евреев». Никак не желает большинство этих господ учить английский. Плюс прибыли армяне — жертвы конфликта в Нагорном Карабахе и резни в Баку. Тоже английский «ни в зуб ногой». Главное же, что в скором времени сюда приедут и станут частыми гостями русские люди. Коммунисты доживают у власти, если не последние дни, то последние месяцы! Тогда кое-где границы попросту рухнут, а въезд в Шта-

ты станет куда свободнее для граждан новой России. Им потребуются широкие банковские услуги. Вот, и отель!

«Отель» оказался мотелем. Такие заведения советские люди видели только в западных фильмах. Однако понравилось. Отдельные, хоть и небольшие, номера с телевизорами и всеми удобствами. Даже маленький бассейн во внутреннем дворе. Ливен объявил, что каждое утро будут кормить завтраком. Обед и ужин, как получится. Кому будет маловато пищи — напротив есть ресторан «Макдональдс», супермаркет, а для курящих — табачный магазин, где торгуют сигаретами со скидкой. Все ахнули. Конечно, скидки существовали и в СССР — на полнейшие неликвиды. Но, скидка на курево?!

— Уценённую выпивку тоже можно купить в супермаркете, — ещё более ошарашил Ливен и глянул на швейцарские часы. — Полчаса раскидать вещи, после идём на лянч в «Макдональдс»!

Исполнили мечту тогдашнего советского человека побывать в «Макдональдсе». Производство «Кока-Колы» к тому времени наладили в СССР. Открыли даже заведение в Москве на месте прогоревшего, некогда фешенебельного кафе «Лира». Всё оказалось совсем другого вкуса, нежели у нас. Куда лучше! Пытались расплатиться, но Оскар остановил:

— Сегодня банкет за счёт принимающей стороны!

Ему принесли счёт за всю компанию. Он внимательно изу-

чил платёжку. Даже провёл взглядом по набранным подопечными блюдам и напиткам. Затем достал чековую книжку, о которых стажёры только читали в книгах или видели в фильмах, выписал чек.

— У нас, в Америке, общёты клиентов практически отсутствуют. Однако случаются, — пояснил Ливен. — Сегодня, господа, отдохните с дороги! В девять, ноль-ноль вас ждёт завтрак в отеле. В десять, ноль-ноль заеду за вами, прокатимся по Вашингтону. Конечно, вы пожелаете отметить приезд в Штаты. Пить вы можете, хоть до утра, но никто из соседей не должен вас слышать. Здесь не идут с претензиями, не стыдят, не рассказывают, что такое хорошо и что такое плохо. Просто звонят в полицию. Местная полиция гордится своей нулевой терпимостью к нарушениям общественного порядка. «Договориться» с копами, как у вас, не получится. Ещё больше остервенеют! Выпейте, но в меру! Завтра у нас насыщенный день. Послезавтра — ещё более насыщенный. Начнётся с Пентагона.

— И, что? В Пентагоне с нами будут разговаривать? — усомнились репортёры, привыкшие получать военные новости лишь из «Красной звезды» — газеты Министерства обороны, куда гражданских журналистов даже на порог не пускали.

— В этой стране все подотчётны закону. Будь то рядовой гражданин, будь то государственное учреждение. Пресса — рупор закона. С ней на «вы» даже президент.

Прибытие в «цитадель мирового империализма» всё же отметили. Долбанули привезённой с собой водки. Закусили мясными консервами, ставшими к тому времени дефицитом. Затащили на «банкет» Ливена. Тот отказался от выпивки:

— Завтра мы посетим Конгресс и Сенат США. Учуют слушатели от меня запах — потеряю место.

— Но, вы то, вероятно, можете вообще не работать? — наивно предположили журналисты.

— Здесь принято, чтобы каждый занимался делом. У меня есть акции от того, что создали отец, его брат и сестра. Это, как говорится, «на чёрный день». Живу с того, что даёт мне любимая профессия — журналистика. А начал ей заниматься в сорок пятом, военным корреспондентом. Воевал в Бельгии, позже — на севере Германии.

Ведя светский разговор, прихлёбывая минералку, принесённую портье, куратор внимательно наблюдал за подопечными. Определял: кто жадный до выпивки, кто быстро пьянеет. Правда, быстро пьяневших не оказалось. Особенно, среди жадных до выпивки.

Следующее утро после сытного, но не вкусного завтрака дорога в столицу. В Капитолии к группе тут же подошла красотка в мундире. На чистом русском языке провела экскурсию по залам заседаний Конгресса и Сената, начав с круглого вестибюля, увешанного огромными картинами по истории создания США. Подробно поведала о сюжетах, кто изоб-

ражён на полотнах. После сфотографировались на знаменитых ступенях, словно герои ряда фильмов, которые посмотрели на видеомagneитофонах. Запечатлели себя на фоне памятника генералу Гранту, ставшему впоследствии президентом страны. Посетовали:

— Думали в Вашингтоне сплошные небоскрёбы...

— По законам города выше Капитолия ничего нельзя строить, — ответил Оскар.

Прошлись по знаменитой «музейной миле». Глянули сквозь ограду на президентскую резиденцию Белый дом. Ливен поведал, что некогда здание было совсем другого цвета. Однако во время англо-американской войны 1812—1815 годов столица оказалась в осаде. Несколько английских ядер долетели до строения, оставили в нём пробоины. Дыры наспех заделали, но в окружённом врагом городе имелаась только белая краска. Ею и покрасили повреждённые стены. Остроумные жители тут же назвали дом «белым». После его так стала звать вся Америка. Затем это название закрепили официально.

— Теперь — Арлингтонское мемориальное кладбище. Для американцев такое же место паломничества, как для русских мавзолеев Ленина.

С интересом глянули на бесконечные ряды белых надгробий, выстроенных, словно на парад. С ещё большим интересом осмотрели бронзовые конные статуи, «в полный рост» американских военачальников и английского фельдмарша-

ла, умершего в Штатах в годы Первой мировой войны. Удивились скромным, «как у всех», плитам на могилах президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, убитых террористами. Поглазели на солдата, вышагивавшего с винтовкой на плече вдоль могилы неизвестного солдата. Ливен поведал, что каждый служивший в вооружённых силах имеет право упокоиться после смерти на Арлингтонском кладбище. Независимо от того, принимал он участие в войнах или нет. Независимо от того, охранял ли он «мирное небо Аляски» на истребителе или выдавал на складе ботинки.

— Получается, Оскар, что и вы имеете право лежать здесь после смерти! — предположил кто-то.

— Полное! Однако предпочту фамильную усыпальницу под городом Александрией, где вы сейчас проживаете. Когда родители прибыли сюда, земля была не очень дорогой. Тогда отец с родичами скинулись. Купили участок. Там и легло наше первое поколение «американцев». Сейчас, джентльмены, вас доставят в отель. Отобедать и отужинать можно, как всегда, в «Макдональдсе». Можно также сделать покупки в супермаркете. Вам будет интересно, поскольку в России ещё такого нет. Не смогу помочь с покупками, поскольку сам всё заказываю по компьютеру с доставкой на дом.

— Не поняли! — дружно ответили все в один голос.

— Со временем такое будет и в России. У каждого уважающего себя американца в доме персональный компьютер.

— У нас такое только в министерствах! — ахнули журна-

листы.

— Когда Россия станет по-настоящему демократической страной, полностью свободной от коммунистов, тогда компьютеры будут доступными каждому! Окажутся не только на рабочих столах в офисах, но и дома. А заказ делается просто. Надо выйти на сайт магазина. Там перечень товаров и цены на них. Выбрать товары, их количество. Затем напечатать адрес доставки. Через пару часов привезут. Рассчитаться можно наличными или чеком. Со временем, окажется возможным расплатиться и такой банковской картой, — Ливен развернул кошелёк с разноцветными пластиковыми кушачками. — Сейчас ведутся соответствующие исследования. Кстати, джентльмены, вас будут учить работе на компьютере. Специально для вас куплены компьютерные клавиатуры с латинскими и русскими буквами. Освойте компьютер — узнаете, что такое Интернет. Это — целый мир! Завтра же у нас визит в пресс-центр Пентагона. Поэтому прошу не увлекаться горячительными напитками! Американская традиция — выпить после работы пятьдесят граммов виски или джина. Если выдался трудный день — сто, но не больше!

По возвращении рванули в супермаркет. Утратили чувство реальности от изобилия продуктов и напитков. Всё расфасовано, упаковано. Не надо стоять в очереди к тётке-продащице. Ждать, пока она отрежет кусок колбасы. Затем топтать в кассу, оплачивать, снова топтать к прилавок, и лишь отдав оплаченный чек, получить вожаделенную покупку. На-

брав корзинку или тележку снеди, американцы шли к кассирам. Многие рассчитывались чеками.

— Неужели и у нас будет такое?! — изумлялись стажёры.

— Будет! — отреагировал отсидевший парень. — Главное коммуняг скинуть!

Следующим утром отвезли в Пентагон. Перед огромным зданием рассекали мужики и молодки в тренировочных костюмах.

— Надо же! Даже штатских сюда пускают! — покрутили головами парни.

— Это — сотрудники Пентагона, — пояснил Оскар. — У нас вес военного не должен превышать определённого количества килограммов. Если больше — могут отложить повышение в должности, отсрочить присвоение очередного звания, а то и отправить на пенсию. Поэтому все следят за весом, занимаются бегом. Кто перед службой, кто — во время обеда, кто — после службы.

Припомнили наших до безобразия разъевшихся генералов и полковников.

В самом здании быстро сфотографировали и через несколько минут всем повесили на шеи пластиковые карточки с их фотками. У Ливена имелась своя, персональная. Затем небольшой зальчик. Расселись по креслам. Вошёл военный.

— Здравствуйте, майор! — приветствовал его Оскар.

— Здравия желаю, светлейший! — ответил по-русски во-

енный.

После пошла интересная беседа о сотрудничестве военного ведомства со средствами массовой информации. Особенно упирал майор на совершённые с подачи журналистов перемены в странах, где существовали тоталитарные режимы. Подробно рассказывал, как следует подавать подробную информацию. Затем провёл стажёров в пресс-центр, где за компьютерами работали подтянутые парни и красотки в военной форме. Корреспонденты снова удивились. В Москве они сидели в полутёмных редакциях. Писали авторучками тексты, после несли их в машинное бюро. Там девчата-машинистки недовольно принимали написанное, говорили, когда зайти за отпечатанным материалом. Здесь всё было залито светом. Каждый печатал текст на компьютере, затем отправлял написанное начальству. То принимало решение, если требовалось, указывало, что подправить.

На выходе Оскар спросил майора:

— В субботу мы, как всегда, собираемся в отеле «Моррисон хаус». Вы почтите нас своим присутствием, граф?

— Буду, светлейший!

Стажёры в очередной раз удивились.

— Майор — самый настоящий граф. Его предков большевики гнали до самого Владивостока. Затем семья переехала в Штаты. Майор — стопроцентный американец. Родился на этой земле, родной язык — английский, точнее его северо-американский диалект. США — демократиче-

ская страна. Титулы здесь не приняты. Однако в своей среде используем. Случается, прибегаем к ним ради работы. Многим богатым американцам льстит, что у них взял интервью светлейший князь. Даже приходится иметь соответствующие визитные карточки, — Ливен достал из кошелька-визитницы точно десяток и протянул их подопечным. — Это, чтобы вы могли связаться со мной. Не только во время вашей стажировки. Настанет время, когда вы свободно сможете позвонить мне из России.

— Интересно было бы побывать на собрании иммиграции.

— Я должен согласовать этот вопрос с предводителем дворянства нашего Александрийского уезда. Не исключено, что кому-то такая встреча не доставит удовольствия. Ведь, их предки и кое-кто из ваших предков сражались против друг друга во время Гражданской войны. Время ехать в газету «Вашингтон пост»!

ГДЕ СВОБОДА?

Пошло-поехало. Газеты «Вашингтон пост» и «Вашингтон таймс», радиостанция «Голос Америки», журналы «Вашингтонец», «Новости округа», «Католический стандарт». Всюду просторные помещения, компьютеры, улыбчивые журналисты. На «Голосе Америки», вообще, свои — диссиденты, изгнанные из Советского Союза, или выдавленные оттуда евреи. Правда, бывшие соотечественники свысока посматривали на стажёров. Дескать, я уже «приехал», и моя жизнь удалась. А твоя? Стопроцентные американцы, особенно чернокожие, оказались куда теплее. Парни удивлялись: коммунистические средства пропаганды трубили о дискриминации негритянского населения. Дескать ему уготована роль прислуги, работяг, да безработных...

— Такое было очень давно, — ответил Ливен. — Сейчас любой афроамериканец, желающий получить образование, получает его. Есть среди них даже миллионеры. Кстати, на триста миллионов населения США приходится тридцать миллионов миллионеров и миллиардеров. Вот, что такое страна равных возможностей!

— Интересно, — подумал про себя Вадик. — Как этот «каждый десятый», пьёт кровь из остальных девяти? Пока всё, вроде бы, вполне прилично...

Позже выяснилось, что «каждый десятый» даже не пьёт,

а хлещет кровь из остальных девяти. Правда, за чрезвычайно интенсивный труд хоть головой, хоть руками платили куда больше, нежели в Союзе. Система же кредитов делала доступным любой товар от дома с машиной, до нового компьютера. Пройдёт пара лет, и всё это станет доступным для граждан новой России. Пока же с изумлением слушали повествования Ливена, да рассказы коллег-журналистов.

После ознакомительной части начали учить работе на компьютерах.

— Это — просто! Точно также работают на пишущей машинке, — усмехнулся куратор. — Только текст вы видите на экране перед собой.

«Просто»? Все видели машинки только в машбюро, да у секретарш. Пишущие машинки могли приобрести лишь члены Союза писателей. Право на этот инвентарь имели только проверенные журналисты — члены КПСС, годами восхвалявшими её на страницах газет и журналов. Остальные «творили» шариковыми ручками. Лучше всех дело пошло у Вадика. Он имел доставшуюся от отца машинку. Остальные попыхтели, плевались втихаря. Затем понравилось. Всем выдали инструкции на русском и английском. Плюс, первые дни рядом с каждым сидел программист-американец, подсказывавший, на какие клавиши нажимать. Особенно понравилось, что нет большой необходимости вычитывать тексты. Допущенные опечатки подчёркивались на экране, их тут же исправляли. Кроме того, все были обязаны читать местные

газеты, переводить публикации, делать комментарии к ним. Затем, на основании комментариев создавать собственные статьи. Поначалу на русском, после — на английском. Ливен анализировал каждую. Для начала всем «влетело» за отступление от американского стандарта. Оказалось, главная идея публикации должна звучать трижды: в начале, середине и конце статьи.

— Да, что американцы совсем тупые? — удивились стажёры. — У нас любым бабке с дедом достаточно дать главную идею один раз. Поймут и запомнят. Если, разумеется, не конченные маразматики.

— У нашего читателя много всяких проблем крутится в голове, — ответил Оскар. — Например, на каком курорте дешевле отдохнуть. Где найти лучшие условия кредита для очередной крупной покупки. Наконец, в каком супермаркете можно приобрести товары с большими скидками. Где проходят массовые распродажи. Люди подчас едут за сто миль, чтобы съэкономить на покупках. Поэтому американскому читателю надо вдалбливать в мозги. Иначе не запомнит.

Ну а Вадик подумал:

— В поездке за сто миль бензина можно сожжёшь больше, чем съэкономишь на покупках.

Так, дожили до декабря. 8 числа в Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии приняли решение о прекращении существования СССР.

— Коммунистическая диктатура приказала «долго

жить»! — подвёл итог Ливен. — Откровенно говоря, мы не думали, что всё произойдёт столь быстро. Полагаю, тысяча девятьсот девяносто второй год бывшие советские люди встретят в новом, подлинно демократическом государстве.

Потом пошло-поехало. Упразднение союзных министерств и ряда республиканских, хамское (в худших провинциальных традициях) выселение Горбачева из кремлёвского кабинета, спуск советского флага и подъём российского триколора над Кремлём. Как ликовали тогда стажёры! Наконец-то ненавистный режим свергнут! Разумеется, крепко «приняли на грудь» на радостях. Благо день, следующий за католическим Рождеством, выходной. Затем репортаж о последнем заседании верхней палаты Верховного Совета СССР о ратификации беловежских соглашений. Советский Союз полностью прекратил существование. Завершился «Парад суверенитетов», начавшийся начавшийся годом раньше. Унесли суверенитета «кто сколько смог». А что дальше? Тогда об этом мало кто думал. Все были опьянены сладким запахом долгожданной свободы.

27 декабря принимали поздравления от американских коллег. Прибыл Ливен. Тоже поздравил. Многие стажёры выразили желание вернуться на Родину.

— Пока рановато, — ответил куратор. — Срок стажировки ещё не истёк. Мы должны подумать, как вас готовить в новых условиях. Не исключаю, что продлим ваше пребывание здесь...

— А сами, князь, не желаете вернуться? — спросили его.

— Куда? В Латвию? Меня увезли оттуда маленьким ребёнком. Национальным языком не владею. Недвижимости и прочего не имею, поскольку всё давно продано латышам. Их потомкам со временем возвратят отобранное большевиками. Если, конечно, сами потомки не сгинули в сталинских лагерях, да в сибирской ссылке.

Через несколько дней «раскидали» по редакциям газет. Кому-то надлежало заниматься политикой, кому-то бизнесом, одно место выпало в криминальной хронике. К удивлению Вадика, стажёры принялись расталкивать локтями, чтобы получить доступ к брифингам в Белом доме, Сенате и Конгрессе. Парни не брезговали даже доносами, лишь бы оказаться поближе к властям. А ведь ещё недавно были совсем другими людьми! С кем-то Вадик участвовал в антиправительственных пикетах и демонстрациях. Плечом к плечу отбивал от ментов правозащитников и прочих диссидентов. Брал интервью у лидеров оппозиции — Новодворской, Убожко, других, менее значимых. И, вот теперь вроде бы нормальные парни выродились в стукачей, следивших друг за другом. Вадик попросился в криминальную хронику, благо на это единственное место никто не претендовал.

— Лох! С чем ты вернёшься в рашку? — издевательски спрашивали коллеги, быстро подхватившие это словечко от эмигрантов.

Ну а Вадiku понравилось работа. Острая, оперативная,

в какой-то мере рисковая. Коллеги-американцы и даже редакторы изумлённо смотрели на него, прочитав очередной, разумеется, написанный на английском репортаж. Одобряли полицейские, об операциях которых писал Вадик. Когда трёхнедельная работа закончилась, даже выдали шуточный диплом, дескать обладатель имеет право служить в полиции.

Разумеется, до поры, до времени репортёров близко не подпускали к месту происшествия. Лишь когда, например, дом был взят штурмом, телевизионщиков и папарацци звали на съёмку. Преступник или группа преступников стояли закованные в наручники «лицом к стене». Оружие от «барабанных кольтов» до скорострельных «беретт», от ножей с выкидывающимися клинками до мачете, лежало на полу. Там же складывались пакеты с наркотиками, пачки долларов и даже золотые слитки. Кого-то из наиболее оголтелых, а от того получившего лёгкое ранение, перевязывали сотрудники «скорой помощи», приезжавшие на операцию вместе с копами. Затем корреспондентов «просили на выход», а в помещении начинался тщательный обыск. Всё-таки, один раз Вадик принял активное участие в операции и задержал бандита-мексиканца. Тот возник непонятно откуда. После оказалось, что проник по подземному ходу на соседний участок. Выскочил из какого-то сарайчика. Размахивая ножом, бросился на группу репортёров. Как «брызнули» во все стороны хваленые американцы, коих во всё мире считали лихими, бесшабашными людьми! Вадик оказался ближе всех.

— Будешь заложником! — завопил мекс. — Гони ключи от «тачки»!

— Щас, галоши надену! — по-русски ответил Вадик.

Крутанул приёмом САМБО руку с оружием, заодно долбанул противника локтем в висок. Тот «поплыл», слегка обмяк. Далее — бросок через голову. Мощный удар коленом в спину приземлившегося на задницу гангстера. Ещё одним ударом колена уложил его на живот. Придавил к асфальту. Полицейские подбежали быстро, заковали бандюгу в наручники.

Вадика наградили чем-то типа советской почётной грамоты, выписали чек на небольшую, по американским понятиям, сумму. Предупредили, чтобы впредь шёл на все требования преступников, не оказывая сопротивления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.